

ЛЕННАРТ ЛЁННГРЕН

О реализации валентности при субстантивированных словах

Morituri te salutant!

Субстантивация—это такой процесс, когда «не-существительное» превращается в существительное. При этом результирующее слово наследует некоторые свойства исходного слова и приобретает некоторые новые свойства.

В настоящей статье обсуждаются синтаксические свойства субстантивированных прилагательных и причастий, точнее, вопрос о том, в какой мере сохраняется при них возможность синтаксической (поверхностной) реализации валентности исходных слов.

Слова, о которых идет речь, в морфологическом отношении имеют окончания, свойственные прилагательным, а парадигму, свойственную существительным. Но не все слова, отвечающие такому описанию, следует назвать субстантивированными. Например, для слов *портной* и *насекомое* нет в современном языке соответствующих исходных прилагательных. Существительные *подданный* и *понятой* только формально образованы от *поддать* и *понять*, семантическая связь с этими глаголами утрачена. Таких слов, однако, относительно мало. В типичном случае словоформы субстантивированного прилагательного или причастия омонимичны: они одновременно входят в две парадигмы, одна составлена из двенадцати членов (или шести, если имеем дело с *singularia tantum* или *pluralia tantum*), а другая—из двадцати четырех. Образование этих существительных происходит, конечно, не посредством добавления словообразовательного форманта, а посредством конверсии—мены парадигмы (ср. Мельчук 1973).

В описаниях субстантивированных слов принято различать полную и окказиональную субстантивацию (см., например, *Русский язык. Энциклопедия*, «Субстантивация», с. 544-545). Посредством полной субстантивации образованы такие слова, как *военный*, *сто-*

ловая и *трудящийся*. Эти слова зафиксированы в словаре как существительные (здесь и далее опираюсь на словарь Ожегова-Шведовой, 1994). Правда, наблюдается несколько степеней «признанности». Слово в функции существительного может быть выделено в отдельную статью, как *столовая*, *беременная*, *животное*, *учащийся*, или же функция существительного указана только в пределах одной лексемы (прилагательного или глагола), в качестве одного из значений этого слова. Так трактуются слова *больной*, *военный*, *знакомый*. Существует и третья, самая слабая, степень фиксации, а именно, когда дается косвенное указание в виде пояснения в скобках после какого-то примера. Так, в конце статьи прилагательного *прочий* читаем: «*Не в пример прочим* (сущ.: в отличие от других)». Под выделенным в отдельную статью причастием *верующий* приводится пример «*Она верующая* (сущ.)».

Если эти слова обозначают лиц, то они, конечно, имеют род в соответствии с полом обозначаемого лица. Неодушевленные существительные, образованные при помощи полной субстантивации, могут иметь род, «унаследованный» от подразумеваемого «нормального» существительного, например, *гласный* (*звук*), *передняя* (*комната*), *сладкое* (*блюдо*), но иногда такого определенного существительного нет, вследствие чего морфологические характеристики более или менее немотивированные: *мороженое*, *месячные*. Если параллельно существует словосочетание с подразумеваемым существительным, данный процесс субстантивации иногда характеризуется как эллипсис, например, *докладная* (*записка*), *Невский* (*проспект*). Субстантивированный вариант в таком случае часто имеет стилистически сниженный оттенок. В связи с этим можно указать на сходное явление универбации: *анонимное письмо* — *анонимка*.

Второй тип субстантивации, названный выше окказиональным, может быть представлен примером *сильные мира сего*. Если посмотрим словарную статью прилагательного *сильный*, то не найдем указания на то, что это прилагательное может употребляться как существительное. Термин «окказиональный» вызывает, однако, не совсем адекватные ассоциации, так как наводит на мысль об индивидуальном, неповторяемом употреблении слова или выражения. В

примере *сильные мира сего* усматриваем вполне нормальное, продуктивное и ничем не поражающее образование существительного. Поэтому предлагаю использовать для данной оппозиции термины лексикализованный / нелексикализованный (четкой границы между этими группами, конечно, нет). Именно слова, возникшие в результате нелексикализованной субстантивации, буду рассматривать в этой статье.

Семантически такие существительные ограничены. Они распадаются на две группы: первая группа включает обозначения лиц, чаще мужского, чем женского рода. Как отмечает Гр -80 (т. I, с. 239 сл.), они нередко употребляются в крылатых выражениях, афоризмах и т.д. Приведу несколько примеров (здесь и далее примеры взяты из материала, собранного для моей монографии о валентностных структурах русского языка [Лённгрен 1998] и в значительной степени пополненного после ее публикации):

- (1) право *сильного*
- (2) неделовые связи с *подозреваемой* (В. Дудинцев)
- (3) *Бежавший* остановился [...] (М. Рассолов)
- (4) *Береженого* Бог бережет.

Нередко эти слова выступают во множественном числе, например:

- (5) *Счастливые* часов не наблюдают.
- (6) *Молодым* везде у нас дорога, старикам везде у нас почет.
- (7) Это только *незнающим* поезд ремонтным кажется. (В. Суворов)

По поводу примера (6) следует отметить, что существительное *молодой* зафиксировано в словаре, но только в значении «недавно вступивший в брак».

Вторую семантическую группу составляют слова среднего рода, выступающие только в единственном числе:

- (8) Георгины пахли *мокрым*. (Э. Лимонов)
- (9) И это *далекое* показалось близким [...] (С. Воронин)
- (10) *Желаемое* не сбывается. (С. Воронин)
- (11) скупщик *краденного*
- (12) [...] умела слышать *непроизнесенное*. (Л. Зорин)

Как показывают примеры (7) и (12), для субстантивированных причастий характерно слитное написание с отрицательной морфемой

не-, в отличие от соответствующего глагола или даже причастия. Это, между прочим, распространяется и на другие морфемы:

(13) полное заселение *новоприбывшими* спорных территорий

Что касается валентности исходных прилагательных и причастий как лексикализованных, так и нелексикализованных субстантивированных слов, то все они имеют, по меньшей мере, одну валентностную позицию, и эта позиция занята именно данным существительным. Таким образом, существительное *сладкое* занимает единственную валентностную позицию при исходном прилагательном *сладкий*.

Предлагаю рассматривать указанные слова как существительные с морфологически инкорпорированными, но семантически управляющими прилагательными или причастиями. Данное существительное заполняет единственную или первую валентностную позицию инкорпорированного прилагательного или причастия: *сильный* ‘кто-то сильный’, *далекое* ‘что-то далекое’, *бежавший* ‘тот, кто бежал’. Эти парафразы свидетельствуют о двучленной семантической природе данных существительных. Ср. также перевод латинского субстантивированного причастия будущего времени в известном изречении, приведенном в качестве эпиграфа настоящей статьи: *morituri* ‘те, кто должен умереть’. Так как соответствующей формы причастия в русском языке нет, приходится использовать развернутое, двучленное выражение.

Что касается реализации валентности при субстантивированных причастиях, то анализировать эти слова легче, если будем считать инкорпорированными не причастия, а прямо глаголы и еще легче, если будем при этом исходить из непроизводного, т.е. действительного, залога глагола. Итак, в приведенном выше примере (3) существительное *бежавший* заполняет первую валентностную позицию глагола *бежать*. А в примере (11) существительное *краденное* заполняет вторую валентностную позицию глагола *красть*: ‘то, что украли’. Это прямо соответствует тому факту, что в первом случае выбрана форма действительного, а во втором случае—форма страдательного залога причастия. Есть исключения из этого правила: первую, а не вторую, валентностную позицию заполняют существ-

вительные, восходящие к возвратным глаголам, несмотря на форму страдательного залога:

(14) *Рожденный* ползать летать не может. (М. Горький)

(15) *Влюбленные* слепы на оба глаза. (Д. Гранин)

Вторую, а не первую, валентностную позицию заполняют существительные, возникшие в результате субстантивации причастий действительного залога, образованных от страдательной формы на *-ся* соответствующего глагола. Такой редкий пример рассматривается ниже, см. (40).

Отглагольное субстантивированное прилагательное может заполнять первую или вторую валентностную позицию мотивирующего глагола. Естественно, только первая позиция актуальна, если глагол непереходный:

(16) *Прохожий* сказал нам, который час.

(17) лицо *мертвого*

Зато при переходном глаголе может быть заполнена вторая позиция:

(18) разглядывая *встречных*

Ср. парафразы *встречный* 'кто-то, кого встречают', *ссылный* 'тот, кого сослали'. Отметим, что среди «нормальных» производных существительных происхождение от глагола не является условием для занятия второй валентностной позиции; слово *богатство* в своем «предметном» значении заполняет именно вторую валентностную позицию прилагательного *богатый*: *богатство* 'то, чем кто-то богат / что-то богато' (ср. *богач* 'тот, кто богат').

Прилагательное, происходящее из причастия (адъективированное причастие) имеет валентностное свойство, соответствующее залогу данного причастия; ср. выше пример (4), а также:

(19) Не бей *лежащего!*

В приведенных до сих пор примерах исходное прилагательное или причастие реализует только одну валентностную позицию. Теперь перейдем к случаям, когда заполнено еще одно валентностное место или даже несколько таких мест. Слова, заполняющие такие места, синтаксически выступают как определения по отношению к производному существительному.

Необходимо сначала выделить определения, не входящие в актантную рамку исходного прилагательного или причастия. Нередко в

такой роли выступает местоимение. Так, в приведенном выше примере (9) находим словосочетание *это далекое*; определением здесь является именно местоимение, т.е. отношения зависимости обратны тем, которые наблюдаем в словосочетании *что-то далекое*.

В качестве определения возможны также прилагательное или порядковое числительное: *простой смертный, первый встречный*.

Встречаются также несогласованные неактантные определения, например наречия:

(20) Кровь афганской войны на многое открыла глаза ныне
живущим. (С. Алексиевич)

В приведенном выше примере (14) форму инфинитива (обстоятельство цели) предлагаю анализировать по принципам, изложенным в книге Лённгрен 1998. Следуя указанным принципам, извлекаем из этой формы флексийную морфему, даем ей статус предиката и приписываем этому языковому знаку приблизительное значение ‘чтобы’, ‘призванный’. Имея такое значение, данный предикат объединяет узлы, занятые существительным *рожденный* и глаголом *ползать*, соответственно (анализ будет, конечно, другим, если допустить, что причастие *рожденный* имеет валентность, отличную от валентности глагола *родить*).

Подобный предикат с таким же флексийным выражением встречается в трехместном варианте, имеющем приблизительно значение ‘заставлять’. Первый и третий актанты данного предиката реализуются в следующем примере:

(21) Писательница в своей книге отделяет их от *пославших* убивать. (С. Алексиевич)

Второй, нереализованный, актант (‘солдаты, воюющие в Афганистане’) был бы выражен винительным падежом. Одновременно субстантивированное слово *пославшие* и имплицитное ‘солдаты’ заполняют, соответственно, первую и вторую валентностные позиции подвергнутого субстантивации глагола *послать*, третья позиция которого была бы реализована предложно-падежной формой ‘в Афганистан’.

Теперь можем приступить к рассмотрению определений, выступающих в роли актантов исходных прилагательных или причастий. Среди лексикализованных слов такие определения крайне

редки и встречаются только там, где слово образовано от причастия. Например, в словосочетании *заведующий кафедрой* слово-определение в творительном падеже заполняет вторую валентностную позицию исходного причастия/глагола. Совсем по-другому обстоит дело с существительными нелексистализованной группы: здесь сохранение валентности исходного прилагательного или причастия—довольно распространенное явление. Перечислим возможные заполнители таких позиций.

Нередко на месте такого дополнительного актанта находим инфинитив:

(22) *Готовых* нам помочь не оказалось.

(23) *Желающих* поехать было много. (Ю. Трифонов)

(24) *Неумеющих* плавать не оказалось. (Г. Газданов)

Далее, возможна беспредложная форма существительного. В связи с этим следует обратить внимание на тот факт, что субстантивированное слово, выступающее в качестве первого актанта прилагательного или причастия, конкретного падежа от исходного слова никогда не получает. Падеж тот же, как всегда в главном слове именного словосочетания, т.е. неопределенный, нереализованный (ср. Лёнгрен 1997). Но падеж дополнительных актантных позиций вполне конкретный и действительно наделяется именно исходным словом.

Из пяти теоретически возможных падежей именительный никогда не встречается, а винительный возможен только как актант инкорпорированного глагола действительного залога:

(25) *Имеющий* уши да слышит.

(26) [...] и *снимающему* кафтан отдай рубашку.

(27) в чертах *читавшего* газету (В. Набоков)

(28) Горе *искушающим* малых мира сего!

В последнем примере и второй актант является субстантивированным!

Существительные в родительном и дательном падежах встречаются как при исходных прилагательных, так и при исходных причастиях обоих залогов:

(29) Среди поклонников она не могла найти *достойного* ее любви.

- (30) *Достигший* власти платит за это несвободой.
 (31) *Лишенных* чувства юмора прошу не слушать.
 (32) Ведь впервые за два года мы были окружены себе подобными. (Е. Гинзбург)
 (33) Следует тут же заметить, что *сочувствующих* виновникам сего дела не было. (С. Воронин)
 (34) [...] она не исполнила *сказанного* мужу. (Л. Толстой)

Если субстантивированное слово, как в последнем примере, образовано от причастия страдательного залога, соответствующий глагол должен быть как минимум трехместным, так как ни один из реализованных актантов не восходит к подлежащему (агенту) мотивирующего глагола.

Немного более ограничено употребление творительного падежа. Он беспрепятственно употребляется только в субстантивированных прилагательных:

- (35) На *недовольных* решением не обращали внимания.
 (36) Там ходили *больные* куриной слепотой. (Е. Гинзбург)

Последний пример интересен тем, что слово *больной*, несмотря на то, что оно зафиксировано в словаре, здесь выступает в таком редком контексте, что оно, кажется, никак не отличается от других случаев нелексистического образования. Реализация дополнительного актанта в этом случае приводит к переносу существительного из ряда лексикализованных в разряд нелексистических.

В субстантивированных причастиях творительный падеж встречается преимущественно в функции агенса, т.е. в страдательном залоге:

- (37) *Сказанное* женой его задело. (М. Рассолов)
 (38) Нам не пережить *пережитого* писателем. (М. Латышев)

Здесь, естественно, отпадает требование, чтобы глагол был трехместным, так как агент синтаксически выражен.

Интересно отметить, что этот же тип актанта может выступать в качестве определения «нормального», т.е. несубстантивированного, причастия, даже если отсутствует главное слово, существительное. Это происходит в эллиптических конструкциях:

- (39) [...] собрал остальные [бутылки] и побежал за *откинутой*

Игорем Ивановичем. (М. Кураев)

В следующем примере причастие действительного залога образовано от формы глагола страдательного залога, вследствие чего заполненной субстантивированным словом оказывается вторая валентность, валентность объекта:

(40) *Считавшееся* ранее незыблемым начинало колебаться.

Наконец, нередки и случаи с предложно-падежными формами, употребляющимися без ограничений:

(41) *Готовых* к такому подвигу трудно найти.

(42) И *ударившему* в правую щеку подставь левую.

(43) [...] пинал ногами *разлегшихся* на полу. (М. Кураев)

(44) [...] вернувшись на квартиру, он застал уже приехавшего *посланного* от Кити с запиской. (Л. Толстой)

В последнем примере существительное *посланный* имеет при себе три определения, только одно из которых входит в валентность глагола *послать*. Причастие *приехавший* подчиняет себе существительное *посланный* в качестве первого актанта. Возникает предельно сжатое выражение двух глагольных предикатов при одном совместном актанте, без координации: 'Его послали + он приехал'.

Возможна ли синтаксическая реализация трех актантов? Да, возможна, но только в пределах субстантивированных причастий. «Засвидетельствованных», т.е. подлинных, таких примеров в моем материале очень мало. Легче всего найти (или придумать) такие примеры в области действительного залога. При этом один из актантов бывает выражен винительным падежом, рядом с которым может выступать, как показывают примеры (45)-(47), актант в беспредложном родительном, дательном или творительном падеже:

(45) Я пред нею в роли прощающего и *удостоивающего* ее своей любви!.. (Л. Толстой)

(46) *Подаривших* мне эту книгу сердечно благодарю.

(47) *Снабдивших* меня этой ценной информацией не хочу разоблачать.

Таким актантом могут также служить предложно-падежная форма или наречие:

(48) Знала *таивших* в себе свой замысел и знала *выплескивавших* его наружу. (Л. Зорин)

Примеры без винительного падежа очень редки. В следующем примере посредством предложно-падежных форм выражены исходная точка и цель движения, обозначаемого мотивирующим глаголом:

- (49) Взнузданные, укрощенные кони на мосту, некогда стоявшем на границе города,—приветный знак *входящему* в столицу из архангельских, вологодских и ярославских краев! (М. Кураев)

Удалось найти всего лишь один пример страдательного залога с тремя синтаксически реализованными актантами:

- (50) Ведь вы же не станете отрицать *признанное* всеми историками, что Америку открыл Колумб.

Последний пример единственный в представленном здесь материале, где в качестве актанта выступает придаточное предложение.

В заключение хотелось бы обратить внимание на особенность причастий типа *случившийся*, *происходящий*, которые тоже могут быть подвергнуты субстантивации:

- (51) ненормальность *происходящего*

Соответствующие глаголы асемантичны (делексикализованы) и как таковые лишены валентности. В предложении *Что происходит?* предикатом и носителем валентности является подлежащее, а не сказуемое. Такое субстантивированное причастие, следовательно, не заполняет валентностной позиции исходного глагола, но оно может, конечно, заполнять валентностную позицию другого предиката, как имеет место в примере (51). Субстантивированный предикат при делексикализованном глаголе может даже заполнять валентностную позицию инкорпорированного в нем самом прилагательного, как показывает наш последний пример:

- (52) Может быть, имеет значение и то, что *важное* в жизни Антонова и Вики происходило все-таки синхронно. (О. Славникова)

ЛИТЕРАТУРА

Гр. -80 = *Русская грамматика* под ред. Н. Ю. Шведовой и др. Москва 1980.

Лённгрен Л. (Lönngren L.) *Valency Structures in Russian*, Oslo 1998 (= Tromsø Studies in Linguistics 20).

- Неопределенные падежи в русском языке. *Slavica Quinqueecclesiastica* IV. Pecs 1998, с. 137-146.
- Мельчук И. А. Конверсия как морфологическое средство. *Известия Академии Наук. Серия литературы и языка*. 1973, вып. 1.
- Ожегов С. И. & Шведова Н. Ю. *Толковый словарь русского языка*. Москва 1994.
- Русский язык. Энциклопедия*. Москва 1997.

Summary: On Valency Realization in the Syntax Frame of Substantivized Words

Amongst the syntactic attributes of a substantivized adjective or participle some are normal in the sense that they semantically modify the noun, whereas others are arguments inherited, so to speak, from the corresponding adjective or verb. One of these arguments is expressed by the substantivized word itself, but there may also be one, or even two, additional arguments expressed by case forms, prepositional phrases, verbs in the infinitive, or adverbs.

E-mail: lennart.lonngren@hum.uit.no